

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 511–525

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 511–525
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-511-525>, EDN: KXRWQM

Научная статья

УДК [94:352](470.44)|1904/1906|

«Не смуту мы создаем, а ищем счастливого выхода из тягостного состояния нашего Отечества»: земский либерализм в начале XX в. (на примере Саратовского земства)

Е. Н. Морозова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, morozovaen@mail.ru, <https://orsid.org/0000-0003-3436-151X>, AuthorID: 723910

Аннотация. Публикация посвящена особенностям земского либерализма в провинции в начале XX в., когда Саратовское земство со своей либеральной программой шло во главе российского земского либерального движения. В статье рассматриваются дискуссии, возникшие вокруг обсуждения решений Петербургского ноябрьского земского съезда 1904 г., а также особенности программы политического преобразования России, ключевым звеном которой было создание двухпалатного парламента с законодательными функциями и новой избирательной системы на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования. Анализируются характерные черты стратегии и тактики земской оппозиции в 1904–1906 гг. Выявляются противоречия внутри либерального лагеря. Рассматриваются причины смены лидеров в Саратовском земстве и переход власти к правым либералам.

Ключевые слова: земство, саратовские земские либералы, политическая программа, самодержавие, правительство, бюрократия, революция 1905 г., конституционная монархия, всеобщее избирательное право, парламент, правовое государство

Для цитирования: Морозова Е. Н. «Не смуту мы создаем, а ищем счастливого выхода из тягостного состояния нашего Отечества»: земский либерализм в начале XX в. (на примере Саратовского земства) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 511–525. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-511-525>, EDN: KXRWQM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

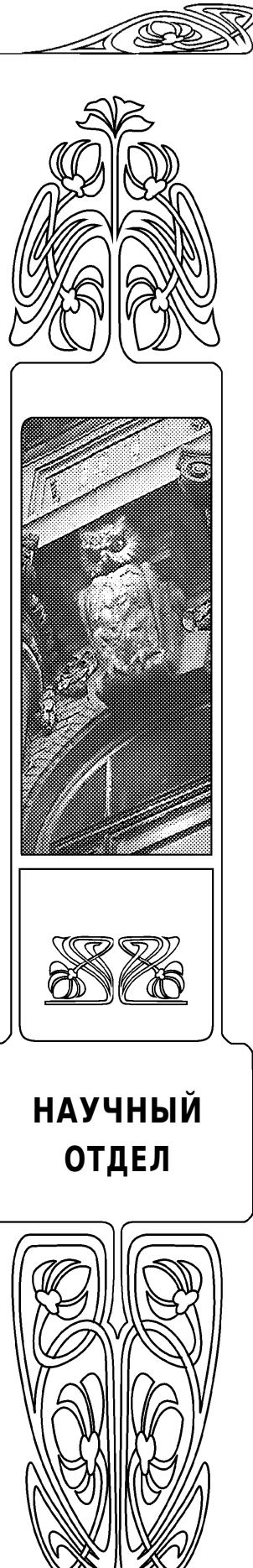
Article

“We are not creating turmoil, but are looking for a happy way out of the difficult state of our Fatherland”: Zemstvo liberalism at the beginning of the 20th century (using the example of the Saratov Zemstvo)

E. N. Morozova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena N. Morozova, morozovaen@mail.ru, <https://orsid.org/0000-0003-4420-8156>, AuthorID: 723910

Abstract. The publication is devoted to the features of zemstvo liberalism in the provinces at the beginning of the 20th century, when the Saratov Zemstvo with its liberal program was at the head of the Russian zemstvo liberal movement. The article examines the discussions that arose around the discussion of the decisions of the St. Petersburg November Zemstvo Congress of 1904 and the features of the program for the political transformation of Russia, the key link of which was the creation of a bicameral parliament with legislative functions and a new electoral system based on universal, direct, equal, secret voting. The characteristic features of the strategy and tactics of the zemstvo opposition in 1904–1906 are analyzed. Contradictions within the liberal camp are revealed. The reasons for the change of leaders in the Saratov Zemstvo and the transfer of power to the right-wing liberals are considered.

Keywords: zemstvo, Saratov zemstvo liberals, political program, autocracy, government, bureaucracy, revolution of 1905, constitutional monarchy, universal suffrage, parliament, rule of law

For citation: Morozova E. N. "We are not creating turmoil, but are looking for a happy way out of the difficult state of our Fatherland": Zemstvo liberalism at the beginning of the 20th century (using the example of the Saratov Zemstvo). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 511–525 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-511-525>, EDN: KXRWQM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблематика, связанная с политическими требованиями, комплексом политических идей земского либерализма является одной из сложных и дискуссионных в земствоведении. В целом историю российского либерализма посвящен значительный круг исследований прошлого и настоящего (Н. И. Иорданского [1], К. Ф. Шацилло [2], А. В. Гоголевского [3] В. В. Шелохаева [4], Ф. Гайды [5] и др.) Однако проблемы политической составляющей в указанных работах рассматриваются в контексте общих сюжетов генезиса и эволюции либерализма в России.

Экономическим и политическим программам, стратегии и тактике земского либерализма посвящены исследования Н. М. Пирумовой [6], Е. Д. Черменского [7], К. А. Соловьева [8] и работы региональных исследователей [9]. Частично вопросы, связанные с земскими либералами Саратовской губернии, рассматриваются в публикациях В. М. Шевырина [10], диссертации А. В. Воронежцева [11] и разделе коллективного труда саратовских историков «История Саратовского Поволжья» этого же автора [12, с. 139–171].

Сложность исследования земского либерализма заключается в проблемах его дифференциации. В. В. Шелохаев совершенно справедливо пишет о «дисперсности», глубоких мировоззренческих и идеологических расхождениях в русском либерализме, которые не позволили создать либералам «ни единой модели преобразования страны, ни единой либеральной партии» [4, с. 22].

На региональном уровне трудности изучения земского либерализма обусловлены тем, что в земской документации практически до 1905 г. (за редким исключением) не отражались прения по политическим вопросам, и поэтому сложно проследить как дифференциацию, так и эволюцию взглядов земских либералов. Особые трудности представляет отнесение отдельных земских лидеров к тому или иному направлению земского либерализма. Так, исследователи причисляют известного правоведа, губернского гласного от Балашовского уезда С. А. Котляревского к «неолибералам» [13, с. 8], к правым либералам,

«представителям консервативного либерализма» [14, с. 10].

А. В. Воронежцев, вслед за Б. Б. Веселовским [15, с. 386], относит Н. Н. Львова¹, С. А. Котляревского², А. М. Масленникова³ к либерально настроенным гласным, а гр. Д. А. Олсуфьева⁴, гр. А. А. Уварова⁵, К. Н. Гримма⁶ – к консерваторам [12, с. 156–157]. На наш взгляд, и те и другие относились к представителям земского либерализма. Только первую группу (будущие кадеты, мирообновленцы, прогрессисты) условно можно причислить к левым либералам; вторую (будущие октябрьсты) – к правым. В. В. Шелохаев совершенно справедливо относит представителей партии «Союза 17 октября» к либеральному лагерю, к консервативному его крылу, ибо накопленные за длительный исторический период социальные и политические проблемы в России «неизбежно провоцировали разногласия в либеральной среде» [4, с. 140–141].

Источники (журналы заседаний земств Саратовской губернии, доклады и отчеты губернской и уездных управ) крайне фрагментарны в сфере обсуждения гласными политических проблем, ибо в предреволюционный период публично говорить на темы, касавшиеся государственного устройства России, было запрещено. Даже слово «конституция» вслух не произносилось. В 1904 г., в период «банкетной кампании», в ресторанах присяжные поверенные с воодушевлением декламировали популярное стихотворение В. Брюсова, начинающееся с местоимения «она» («Она не молвила ни слова / И не явила нам лица...»), и все понимали, что «она» – это конституция. Саратовские земские либералы отмечали, что в Российской империи «в русском словаре не было слова “конституция”. Говорить его было нельзя. Нужен был известный талант, чтобы тщательно обходить это страшное слово» [16, с. 22].

Показательна история публикации журналов заседаний Комиссии-собрания Саратовского земства, созданной 9 января 1905 г., куда вошли все гласные, явившиеся на губернское земское собрание (45 человек). Комиссия была создана для обсуждения 11 пунктов программы, приня-

той Петербургским земским съездом в ноябре 1904 г. По мнению К. Ф. Шацилло, этот съезд «осуществил тот максимум, на который мог пойти земский либерализм» [2, с. 319].

Прения по поводу каждой обсуждаемой статьи резолюции съезда представляет собой важнейший источник для характеристики политических требований земского либерализма в провинции. Решения Комиссии должен был утвердить распорядительный орган Саратовского земства, но его заседание, назначенное на 10 января 1905 г., не состоялось. Саратовский губернатор «категорически запретил» обсуждать «крамольные» проблемы, касавшиеся переустройства политической системы России [16, с. 38]. Испугавшись ответственности, губернский предводитель дворянства М. Ф. Мельников под предлогом плохого самочувствия на заседание 10 января не явился. Бразды правления взял на себя кн. А. А. Ухтомский (предводитель дворянства Саратовского уезда), который, несмотря на ультимативное требование начальника губернии, поставил «на усмотрение собрания» вопрос об обсуждении резолюции Комиссии [16, с. 37–38].

По предложению Н. Н. Львова, поддержанного большинством голосов, собрание проголосовало за прекращение своей работы. В противном случае председатель собрания мог быть подвергнут серьезному административному наказанию. Заседание закончилось, не начавшись, ибо «настоящие условия лишают гласных возможности исполнить их гражданский долг». Земские гласные решили «приложить постановление особой Комиссии и отправить министру внутренних дел с объяснением, почему собрание не состоялось» [16, с. 38].

По цензурным соображениям ход заседаний и решения Комиссии не могли быть напечатаны в типографии Саратовского губернского земства, и их стенограмма была опубликована в Париже редакцией «Освобождения» (судя по всему, документы были переданы Н. Н. Львовым, который финансировал это заграничное издание).

П. Б. Струве в преамбуле к изданию отмечал: «В суждениях и резолюциях Саратовского земства постановления ноябрьского земского съезда развернулись в широкую демократическую программу, охватившую все важнейшие задачи политического преобразования России». По его мнению, резолюции, принятые на совещании в эпохальные даты (9–10 января 1905 г.), представляли собой «отражение общенациональной платформы освобождения России» [16, с. 1].

К числу важнейших источников по предложенной теме относится периодическая печать, в частности, «Саратовская земская неделя» (орган Саратовского губернского земства), которая в предреволюционные и революционные годы становится ведущим общероссийским земским журналом. К участию в СЗН были привлечены

известные исследователи земства, видные земские деятели и публицисты (Б. Б. Веселовский, Н. Н. Авинов, Е. А. Звягинцев, А. И. Шингарев, И. П. Белоконский, А. А. Корнилов, С. А. Котляревский и др.). На ее страницах публиковались материалы, посвященные политическим и экономическим требованиям земской либеральной оппозиции разных губерний. Фактическим редактором «Саратовской земской недели» был известный земский публицист В. С. Голубев, вокруг которого группировался «третий элемент» [15, с. 384].

В конце XIX – начале XX в. на политическую арену выходит новая генерация земских либералов, ровесников Великих реформ, взгляды которых, сохранив определенную преемственность со «старым» либерализмом, изменились в соответствии с теми социально-политическими событиями, которые потрясли Россию в начале XX в.

Преемственность между двумя поколениями земских либералов отчетливо видна в их антибюрократических инвективах. Начало этой традиции положили представители либерально-дворянства, ратовавшие за изменение политической системы накануне Великих реформ. Продажность и косность правящей бюрократии критиковала либеральная часть земских собраний второй половины XIX в. Противостояние между земством как «организатором разрозненных общественных сил» и бюрократией всех уровней было порождено русским государственным строем, «чуждым начал представительства» [17].

Антибюрократическими высказываниями были исполнены выступления членов «Беседы». В частности, «пламенный оратор», саратовский земский гласный Н. Н. Львов, в 1902 г. в своей знаменитой записке «О причинах современного „смутного положения“ России и о мерах к улучшению его» активно критиковал бюрократический строй России [8, с. 130–132].

Он продолжил свои антибюрократические филиппики на заседании Комиссии 9 января 1905 г. Обличение бюрократии было единогласно поддержано членами Комиссии, как либералами, так и консерваторами. Продолжая традиционные утверждения эпохи Великих реформ, Н. Н. Львов был убежден, что «государь такой же узник бюрократии, как и весь русский народ» [16, с. 26–27]. А. М. Масленников, поддержанный А. О. Немировским, утверждал, что «до сих пор бюрократия заслоняла собой верховную власть от народа» и «обратила всю Россию в „дортуар при полицейском участке“» [16, с. 19].

Эти аргументы показательны для понимания роли бюрократического начала либералами в русской государственной жизни. Земские гласные были уверены, что именно бюрократия стоит между верховной властью и народом. Олицетворением бюрократии было российское

правительство, которое в глазах либеральных земцев потеряло «доверие и даже уважение страны», цепляясь «за власть» [16, с. 22]. Н. Н. Львов отмечал: «Комитет министров – это орудие беззакония, гнездо Аракчеева. Теперь – это собрание глав бюрократии, где происходят сделки и соглашения, где ведется торг между министрами» [16, с. 7]. Председатель губернской земской управы А. Д. Юматов замечал, что уже «с начала 1880-х гг. проявилось полная разобщенность правительства с обществом», и это породило «отсутствие в государственной жизни взаимного доверия» [16, с. 9].

Но, в отличие от «старого» либерализма, в представлении «нового» правительства бюрократия персонифицирована. По мнению Львова, «настоящими владыками и повелителями России являются Плеве, Витте, Сипягины» [16, с. 25] (к этому времени два министра внутренних дел погибли от рук террористов).

Он повторил свои обвинения, выдвинутые двумя годами ранее (11 ноября 1903 г. на заседании «Беседы»): «Для Плеве и Витте судьба России безразлична – им все равно». Хотя еще летом 1902 г. Н. Н. Львов верил, что залогом выполнения обещаний Плеве станет чувство самосохранения – Плеве испугается взрыва недовольства в случае обмана [8, с. 215]. Известный историк А. А. Корнилов, близкий друг Львова, редактор принадлежавшей Николаю Николаевичу газеты «Саратовский дневник», неоднократно слышал от него гневные речи, порицающие первых лиц государства: «Увлекаясь и ненавидя гнет в том виде, в каком он осуществлялся Плеве и Сипягиным, Николай Николаевич хотел способствовать освобождению России от этого гнета» [18, с. 137].

Особую неприязнь у саратовских земцев вызывал С. Ю. Витте, чью личность и политику единодушно осуждали. Н. Н. Львов обвинял премьер-министра в том, что он «разорил и обезглавил» русскую провинцию, с которой тесно связаны наущные интересы помещиков-землевладельцев, и вследствие этого «политика Витте возбуждает негодование помещиков-дворян» [6, с. 138]. Обличительный пафос Львова носил характер личных оскорблений: «Витте достоин презрения», ибо он охвачен «манией бюрократического величия и похотью власти» [16, с. 7].

Гр. А. А. Уваров, непримиримый оппонент Н. Н. Львова по всем вопросам земской жизни, солидаризировался с ним в обличении премьера: «Я его терпеть не могу. Это слабохарактерный нерешительный человек и больше ничего. Это главное зло, он хуже всякого японца» [16, с. 27]. Одновременно Уваров высказывался крайнее неуважительно о местной администрации, о саратовском губернаторе: «А если губернатор опротестует наше постановление, мы поступим с его протестом также как со всяkim другим

протестом. Нам совершенно все равно. Пусть протестует» [16, с. 28].

Апогеем противостояния либеральных земцев и губернатора П. А. Столыпина стало решение Саратовского губернского земского собрания 22–24 сентября 1905 г., обвинявшее начальника губернии в том, что его действия провоцировали народные волнения, и требовали отстранения от должности и назначении сенатской ревизии для расследования его действий [12, с. 161].

Обвинения земских либералов, осуждавших конкретных представителей правительственною бюрократии, часто носили абстрактный характер (Витте «хуже всякого японца»). Ф. А. Гайда справедливо подметил, что критические выступления в отношении власти «обычно строились на разборе частных недостатков с переходом к общим политическим выводам о несостоятельности правительства и необходимости коренного преобразования государственного строя» [5, с. 35].

Антибюрократическая резолюция, принятая саратовской Комиссией, поддержала решения ноябрьского съезда: «злую силу бюрократии, безответственной и неограниченной», можно «одолеть только силой народного представительства» [16, с. 32]. Она была одобрена абсолютным большинством голосов (из 45 присутствующих только 7 проголосовало против) [16, с. 9].

Эта резолюция, принятая в поддержку решений ноябрьского съезда, характеризовала утопизм взглядов земских либералов, который отчетливо понимал С. А. Котляревский. Он неоднократно подчеркивал, что «неправильно противопоставлять представительство и бюрократию». Правовед утверждал, что «бюрократия необходима» и должна работать «не для сохранения собственного престижа», а «употреблять свой опыт и знания и быть ответственной перед обществом» [13, с. 4]. Здесь очевидно сходство идей русского юриста и немецкого профессора, социолога и философа М. Вебера о роли рациональной бюрократии и бюрократической системы, которые обеспечивают устойчивость развития общества в переходный период от традиционного общества к индустриальному [19, с. 33–34].

Одним из центральных требований земского либерализма был вопрос о смене формы правления в России. Речи саратовских либералов были исполнены антисамодержавной риторики. Со всей страстью своего красноречия Н. Н. Львов обрушился на В. Н. Озобишина⁷, который был защитником самодержавной власти и отстаивал традиционную уваровскую триаду. Николай Николаевич упрекал своего оппонента в «обожании» «самодержавия больше России, больше народного блага», что означало «поклоняться идолу» и представляло «не истинную веру», а «изуверство». Для земского либераля «самодержавие как патриархальная отеческая власть ничем неограниченного хозяина русской

земли» являло собой «фикцию и лживый обман» [16, с. 26]. Его поддерживал С. А. Котляревский, который, с точки зрения ученого-правоведа, доказывал, что «абсолютная монархия в России изжила себя» [14, с. 4].

Однако для либералов, как справедливо отмечал В. А. Маклаков, в лозунге «Долой самодержавие» ничего «революционного» не было. Его смысл заключался в том, чтобы лишить власть самодержца ее надзаконности и разделить ее с народным представительством [20, с. 271]. О правоте слов Маклакова свидетельствуют речи саратовских земцев, которые проводили четкую грань между понятиями «самодержавие» и «монархия».

Н. Н. Львов призывал не смешивать самодержавие и монархическую власть, которую, как он считал, «нужно высвободить из плена», «бросить те путы, которыми заковано истинное действие монархической власти на русский народ» [16, с. 26].

С. А. Котляревский утверждал, что институт монархии «основывается на иррационализме»; в ментальности народа монархия связана «с историческими верованиями и переживаниями, с национальными заслугами династии». По его мнению, «монархия остается символом государственной власти даже тогда, когда она становится препятствием общественного прогресса» [21, с. 180].

Земские либералы мечтали о создании в России правового государства. Главными его принципами они считали провозглашение прав и свобод человека (неприкосновенности личности и жилища); разделение властей и верховенство права [16, с. 11].

Одни, как С. А. Котляревский, видели Россию конституционной монархией, другие, по форме признавая ее, отрицали необходимость введения конституции в России. Конституционалистами в Саратовском земстве явили себя правые либералы, будущие октябристы (гр. А. А. Уваров, гр. Нессельроде), требуя развернутого проекта конституционного устройства России «для благ нашего Отечества». Им возражали левые либералы (Н. Н. Львов и А. М. Масленников), которые считали возможным ограничение монархии без принятия Основного закона. А. М. Масленников открыто заявил: «Оставим громкие слова “конституция” и спросим себя одно: может ли законодательная деятельность развиваться без участия представителей народа? Единственный возможный ответ, нет, не может». Его заявление было встречено громкими аплодисментами [16, с. 19–20].

Центральным вопросом полемики стал вопрос о полномочиях будущего парламента, законодательном или законосовещательном (по типу Земских соборов в Московском царстве) его характере. Большинство земцев стояло за парламент с законодательными правами, меньшин-

ство – видели будущее в парламенте с совещательными функциями. Это размежевание повторило ситуацию, сложившуюся и на ноябрьском Петербургском земском съезде.

Левые саратовские либералы активно лобировали законодательный характер будущего представительного органа. А. М. Масленников в запальчивости назвал законосовещательный орган «сборищем», а Н. Н. Львов считал, что взаимоотношения между властью и парламентом могут быть урегулированы только с помощью права, что даст возможность создать «ответственное министерство». А. О. Немировский видел в этих спорах отзвуки старых дискуссий между западниками и славянофилами, которые, основываясь на этических возвратах, считали, что русскому народу более свойственен принцип законосовещательного собрания. Сам гласный был сторонником законодательного парламента. Приводя в пример работу Земских соборов, он утверждал, что «фактически они имели законодательную власть, ибо царь «не принимал решений вопреки мнению этого учреждения» [16, с. 24].

Законосовещательный характер будущего парламента поддержало меньшинство. В частности, А. П. Павлов и А. Н. Минх доказывали, что законосовещательное народное представительство имеет более глубокие исторические корни, чем законодательное [16, с. 25].

Единственным участником дискуссии, который открыто выступил против любого ограничения самодержавия, против введения любого центрального представительного органа в России, был предводитель дворянства Сердобского уезда (с декабря 1905 г. – губернский предводитель дворянства) В. Н. Ознобишин. В своем панегирике самодержавию гласный отметил, что, по его глубокому убеждению, «ни он сам», «ни народ нового царя, ограниченного, не поймет. Царь – единственный авторитет для народа». Он считал основополагающим принципом русской государственности «имя и авторитет царя». По его мнению, если подорвать «этот принцип, это начало, объединяющее все сословия, все партии и классы», страна рухнет в пучину анархии [16, с. 25].

Рассуждения Ознобишина вызвали резкую отповедь либеральных гласных. Н. Н. Львов язвительно возражал своему оппоненту: «Владимир Нильевич взял на себя (миссию. – Е. М.) почему-то говорить от имени русского народа. Не слишком ли много притязаний? Кто поистине может утверждать, что он постиг мнение русского народа, когда сам народ обречен на молчание. Если вы не можете защитить самодержавие как власть, необходимую для общего блага России, то ссылка на непрекаемые народные воззрения – пустой и напрасный возглас. Помрачение разума желать того, что влечет к упадку и разложению» [16, с. 25–26].

Н. Н. Львова поддержал А. О. Немировский, которого тоже возмутили притязания В. Н. Озно-бишина говорить от имени всего русского народа: «Я не знаю, что Владимир Нильич понимает под своими словами, что русский народ царя ограниченного не поймет. Понимает ли русский народ царя, который невольно становится ответственным за нежелательные действия бюрократии? При другой организации государственной власти на русской земле вдворится большая справедливость, тогда русский народ поймет ограниченного монарха» [16, с. 26].

Саратовские земцы практически единогласно поддержали идею ноябрьского съезда и записали в резолюции: «Призвать свободно избранных представителей народа на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа» [16, с. 26].

Не меньшие споры вызвал вопрос об избирательном праве. Если подавляющее большинство саратовских земских гласных высказалось за всеобщее, прямое, равное избирательное право, то вопрос о форме подачи голосов разделил их на сторонников открытого и тайного голосования. На ноябрьском съезде этот вопрос не дебатировался. Даже в среде левых либералов наметились серьезные разногласия. Н. Н. Львов был сторонником открытой подачи голосов, мотивируя свою позицию тем, что тайное голосование не может быть успешным «при огромном проценте неграмотных». Львова поддержал его всегдаший оппонент гр. А. А. Уваров, который заявил, что «тайная подача голосов решительно ничего не спасет. Это пустое слово. Теория» [16, с. 33].

За тайное голосование, которое «является насущной необходимостью», высказались левые либералы (А. М. Масленников, К. Б. Веселовский, М. С. Ермолов, А. О. Немировский), которых поддержали А. Д. Нессельроде и В. М. Обухов. А. Д. Нессельроде, основываясь на анализе французского опыта, заявил, что «избирательная система – это краеугольный камень всего будущего здания» [16, с. 34]. Сторонники тайного голосования, используя тот же аргумент, что и Н. Н. Львов, рассуждали иным образом: низкий уровень грамотности крестьянства при открытой форме голосования позволит восторжествовать «темным силам», «крестьянской буржуазии», приведет к созданию «банды, которая будет вершить результаты выборов» [16, с. 31]. Наличие в России трех четвертей неграмотного населения препятствием не считалось [5, с. 33].

А. М. Масленников, доказывая правильность своих взглядов, выступал защитником народных прав: «Я за свободу, право и законность для народа и более ни для кого. Кто более всего обложен, кто разорен? Это – народ. Я за народ, я хочу на него работать! Открытая подача голосов может создать новый гнет

для народа» [16, с. 31–33]. Это заявление Масленникова вызвало бурю негодования в среде оппонентов, которые не стеснялись в выражении. Н. Н. Львов обвинил его в чрезмерном пафосе: «Меня удивил патетический тон А. М. Он хочет выставить себя борцом за народные права. И другие стоят за эти права. Для нас одинаково дороги интересы русского народа». Николаю Николаевичу вторил гр. А. А. Уваров: «Не понимаю, почему А. М. берет на себя смелость утверждать, что он в большей степени является представителем народа, чем каждый из нас. Я такой же представитель народа, как и вы. Просто ни вас, ни меня народ не выбирал» [16, с. 33–34]. Масленников не остался в долгу и парировал: «Вы, граф, специализировались читать в сердцах, я вашему умению не завидую» [16, с. 34].

Эта апелляция к русскому народу, стремление говорить от его имени объяснялись тем, что либеральное дворянство считало себя носителем идей справедливого устройства и защитником интересов всех сословий [22, с. 155]. Н. Н. Львов считал, что народ под руководством дворянства представляет серьезную силу, и в такой стране как Россия, дворянство без народа ничтожно и ни на что не способно [8, с. 182].

Эскалация революции поставила точку в дебатах, происходивших в Саратовском земстве, по поводу законосовещательного характера парламента и принципов избирательного права. Об этом свидетельствует редакционная статья в «Саратовской земской неделе», посвященная анализу законопроекта о совещательной «булыгинской» думе [23, с. 23–28]. Публикация носила анонимный характер, но, поскольку СЗН являлась органом Саратовского земства, поскольку она отражала, прежде всего, мнение редакции, которую в тот период времени возглавлял председатель Саратовской губернской управы, земский либерал А. Д. Юматов. Статья подвергla резкой критике предлагаемый законопроект, который, по мнению авторов, являл собой результат «спешной работы бюрократических инстанций», ибо он оставил «в неприкосновенности компетенцию и состав старых учреждений» [23, с. 24].

Главными его негативными чертами саратовские земцы считали законосовещательный характер будущей Думы и недостатки электоральной системы (сословность, имущественный ценз и косвенные выборы). Вывод статьи был однозначен: «Булыгинская дума – нежизнеспособна. И ее законосовещательный характер условен» [23, с. 25]. Авторы статьи в СЗН предлагали внести в булыгинский проект кардинальные изменения, основанные на резолюциях Саратовских губернских земских собраний от 15 марта и 15 июля 1905 г. [24, с. 38–41].

Манифест «о булыгинской думе» от 6 августа 1905 г., по мнению современных исследователей, впервые в истории России вводил всесословный выборный орган, цель которого –

«инкорпорировать Думу в самодержавный режим с минимальными затратами», что стало крупным отступлением власти [25, с. 86].

Однако формальный анализ плюсов и минусов этого законопроекта не отменяет того факта, что дарование населению России законосовещательного органа не только не стабилизировало обстановку в стране, но и способствовало эскалации революции, «раскачиванию российской государственности» [26, с. 178–179].

Саратовское губернское земство на экстренных собраниях (весной – летом 1905 г.) создало детализированный законопроект, который предусматривал формирование в России правового государства с предоставлением населению политических свобод и введением земских учреждений на всей территории страны. Саратовские либералы исходили из тезиса о том, что «абсолютная монархия в России изжила себя» [14, с. 11]. Ей на смену должна прийти конституционная монархия с двухпалатным парламентом, наделенным законодательными правами (нижняя палата избиралась на основе всеобщего, равного, прямого, тайного голосования, а верхняя состояла из представителей от земского и городского самоуправления). Саратовское земство, в числе немногих, признало необходимость «четыреххвостки»: введения всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права [27, с. 18].

По свидетельству В. С. Голубева, в летние сессии 1905 г. именно вопрос о формуле голосования разделил российские земства: «четыреххвостку» поддержали только 5 земских собраний, в том числе и Саратовское [28, с. 42]. Специальная Комиссия Саратовского земства детально разработала принципы избирательной системы, которая распространялась на всю территорию Российской империи.

В преамбуле проекта отмечалось, что «словное представительство принципиально недопустимо», ибо оно «противоречит характеру народного представительства и единству государственной власти, не соответствует естественному и историческому строю русского общества... Оно не может быть положено в основу нового государственного строя» [28, с. 43]. Имущественный ценз также неприменим в России, ибо $\frac{1}{4}$ населения страны находятся в нищете, и от выборов будут устранены интеллигенция и рабочие. Критике земские гласные подвергли и образовательный ценз, который отстранит от выборов значительную часть российских подданных [28, с. 43–44]. В резолюции отмечалось, что нижняя палата парламента должна быть избрана на основе всеобщего, равного, прямого голосования с тайной подачей голосов.

По проекту Саратовского земства каждая российская губерния разделялась на такое количество округов, чтобы 1 депутат избирался

от 150 тыс. населения. При делении на округа принимался во внимание национальный их состав. Города, имевшие больше 50 тыс. населения, выделялись в отдельный избирательный округ. Последние делились на избирательные участки с количеством жителей от 500 до 1000 человек (преимущественно одной национальности). Расстояние от избирательного участка до места выборов не должно было превышать 10–12 верст [28, с. 45]. После продолжительных прений в вечернем заседании 15 июля 1905 г. предложения Комиссии были приняты Саратовским губернским земским собранием.

Одним из наиболее сложных вопросов в политических программах земского либерализма является вопрос о методах достижения цели. И правые, и левые либералы постоянно говорили о неизбежности реформ, инициированных сверху, эволюционном пути развития страны, необходимости диалога общества и власти.

Эволюционировала и тактика земского либерализма. К. А. Соловьев, исследуя состав и тактические приемы участников «Беседы», отмечал, что главной своей задачей в предреволюционный период «собеседники» считали формирование общественного мнения [8, с. 26–27]. Пресса должна была стать каналом трансляции идей земских либералов. Именно в этих целях Н. Н. Львов приобрел газету «Саратовский дневник» и финансово поддерживал журнал «Освобождение».

После решений земского ноябрьского съезда 1904 г. прошла всероссийская акция, получившая название «банкетной кампании», которая должна была способствовать выполнению постановлений «Союза освобождения» и полностью укладывалась в его либеральную программу [2, с. 319]. В Саратове в «банкетной кампании» приняло участие свыше 8,5 тыс. человек [12, с. 159].

Кульминацией провозглашенной тактики диалога оппозиции и власти стала резолюция, принятая Комиссией-собранием 10 января 1905 г., где Саратовское земство горячо заверяло власть о своей преданности престолу, излагало свои реформистские надежды и упования, связанные с инициативой государства.

В обращении к императору, которое должен был передать губернский предводитель дворянства, Саратовское земство уверяло царя, что все беды России, из-за которых держава «клонится к неминуемому упадку», порождены «всепоглощающей опекой бюрократической власти». Ее продолжающееся господство «неизменно приведет к крушению самих устоев общества» [16, с. 30].

В резолюции говорилось, что для России необходимо «тесное единение народа с верховной властью» [16, с. 19]. Саратовское земство в качестве главного условия вывода страны из глубокого кризиса видело ограничение самодержавия «народным представительством на ос-

нове всеобщего избирательного права». Только парламент, считали земцы, даст «стране столь необходимый внутренний мир и возможность развить все великие духовные и материальные силы народа». Саратовские земские гласные подчеркнули, что губернское земское собрание всецело поддерживает решения ноябрьского совещания и «считает, что путь внутренних преобразований, намеченный земскими деятелями, есть единственный верный и единственный спасительный исход из бедствий, переживаемых нашей Россией» [16, с. 30].

Заслуживает внимания правка, внесенная в первоначальный вариант обращения к императору Николаю II. В нем саратовские земцы являли себя истинными патриотами, радеющими о благополучии отчизны: «Нами руководит пламенное чувство любви к Родине, мы ничего не хотим для себя, а все для России». По требованию К. Н. Гrimma акцент был смешен в сторону уверенности преданности престолу: «Нами руководит ни что иное как преданность Государю и искреннее пламенное чувство любви к Родине». Заканчивалось обращение словами, которые должны были убедить императора, что земская оппозиция стремится к диалогу, к консенсусу: «Не смути мы создаем, а ищем счастливого выхода из тягостного состояния нашего Отечества» [16, с. 30–31].

Это заявление знаменовало весьма непрочное и очень скоро разрушившееся единство между левыми и правыми либералами, за которыми в тот период времени шло подавляющее большинство Саратовского земства. Революция поставила на повестку дня вопросы о новой тактике в эпоху цивилизационного кризиса, об отношении к революции и террору.

Тактика либералов, особенно левых, менялась, и хрупкий союз между ними и правыми «трещал по швам». Об усиении в Саратовском земстве влияния правых либералов в конце 1906 г. свидетельствуют дебаты по поводу телеграмм, адресованных члену Государственного совета Ф. В. Дубасову (бывшему московскому генерал-губернатору), избежавшему смерти от рук террористов, и Тверскому губернскому земскому собранию по поводу убийства в его стенах губернского гласного, члена Государственного Совета А. П. Игнатьева. Еще одну телеграмму предполагалось послать с выражением соболезнования гр. Игнатьевой.

Группа земских гласных, прежде чем поставить на голосование вопрос об отправке телеграмм супруге гр. Игнатьева и Тверскому губернскому собранию, предложила губернскому собранию принять официальное заявление о мотивах такого поступка. Судя по всему, гр. Д. А. Олсуфьев стал инициатором и автором заявления, в котором четко формулировалось отношение к революции и революционному террору. Д. А. Олуфьев «клеймил» революцию

«всеми силами», чувствуя к ней «органическое отвращение» [29, с. 103].

Земские гласные и до этой декларации не скрывали своего отношения к революции. Н. Н. Львов еще в 1902 г. крайне негативно высказывался о революции, считая «ее злом», которое надолго нарушит «правильное и покойное развитие государства». Это « зло», с одной стороны, полагал он, приведет к тому, что реформы будут носить «скомканный характер», с другой – оно неизбежно приведет к реакции [6, с. 170].

В «олсуфьевском» заявлении указывалось, что «русская революция избрала неслыханный в истории других народов путь разбойничих убийств отдельных неугодных ей лиц». Террористы именовались «жалкими изуверами революционной доктрины» [32, с. 303–305]. Революционный террор как метод борьбы, приравнивался к «злодействам», «к гнусным преступлениям». В телеграмме Ф. В. Дубасову деятельность террористов объявлялась «отвратительной и бесмысленной» [32, с. 135].

Однако не все губернские гласные согласились с осуждением революции и террора, выступив против отправки заявления адресатам от имени всего Саратовского губернского земского собрания.

К. Б. Веселовский⁸ в своей речи отождествлял террор эсеров и методы подавления революционного движения со стороны правительства: «Я лично отношусь, безусловно и категорически, отрицательно ко всяkim убийствам, совершающимся ли они из политических целей или в целях усмирения. Это постановление ничего общего с земским собранием не имеет. Оно может быть послано только той группой гласных, которая ее предлагает, только от себя. Посыпать телеграмму с этой мотивировкой безусловно нельзя» [32, с. 284]. Подобное суждение высказал и Т. К. Зиньковский: «Я не сторонник убийств, я враг насилия» [32, с. 286].

Ряд гласных предложил вообще не упоминать в тексте слово «революция», которая представлялась им методом идеального переустройства общества. Их рассуждения напоминали сентенции левых эсеров, романтизировавших революцию; ее образ представлялся в поэтическом ключе – с «мечом, сияющим в руке, с розой, расцветающей в груди» [33, с. 5]. Н. Н. Толмачев предлагал зачеркнуть в заявлении слово «революция», объясняя, что «революция – это более высокое понятие и нельзя всякую гадость приурочивать к слову “революция”». Случай «хулиганства, разбоя так и должны называться, но не революцией» [32, с. 288].

А. В. Сумароков отметил, что заявление, прочитанное Д. А. Олсуфьевым, является собой «политическую манифестацию». Гласный заметил, что «в земском собрании нет ни одного, кто бы оправдал это убийство. Но часть революции – мотивировка убийства – вызовет разно-

гласия. Нельзя смешивать революцию и разбой. Это – политическое убийство» [32, с. 288]. Член губернской земской управы М. В. Безобразов иронически изрек: «Теперь такая масса терактов, что, если по каждому принимать революцию и посыпать телеграммы, это большая трагедия времени. Я считаю недопустимым соединения (понятий. – Е. М.) революции, разбоя, убийства» [32, с. 288].

В результате были посланы телеграммы (без мотивирующей части) вдове А. П. Игнатьева и в Тверское губернское собрание. В телеграмме графине Игнатьевой выражались соболезнования и осуждение революционного террора [32, с. 258].

В послании саратовцев Тверскому губернскому земскому собранию и в ответной телеграмме тверских земцев содержались надежды на мирные формы борьбы с помощью формирования соответствующего общественного мнения. Саратовские земцы писали: «Мы верим – близок тот день, когда рассеется тяжелый кошмар, нависший над измученной родиной, и под дружным напором общественного мнения исчезнут с лица земли русской все мрачные язвы, ее позорящие» [32, с. 288]. В ответном слове тверских земцев говорилось: «Злодеяние не остановилось перед порогом дома, где собирались общественные деятели для мирной работы на благо родины, проникнутые одним желанием – исполнить свой общественный долг, и далекие от всяких политических страсти, раздирающие многострадальную Россию. Память об общественных деятелях, павших на своем посту, да воодушевит всех к мужественному осуждению подобных событий и неуклонному исполнению всеми нами своего общественного дела» [32, с. 298].

Показательно, что ни в одной из телеграмм революция открыто не осуждалась. Осуждение подразумевалось – «тяжелый кошмар, нависший над измученной Родиной», «политические страсти, раздирающие многострадальную Россию».

Однако исследователи считают, что революция и террор обличались лишь в частном порядке (на земских собраниях и заседаниях Государственной думы) [29, с. 107]. Но кадеты, как отмечает Ф. А. Гайда, так никогда публично этого не сделали. Ссылаясь на высказывания П. Н. Милюкова, ученый замечает, что лидер кадетов в революции видел явление высшего порядка, поскольку она «служит целям политического освобождения и социальных реформ». И эта партия «никогда официально не осудила терроризма» [5, с. 34–35]. В скобках заметим, что русское образованное общество весьма снисходительно относилось к террору, романтизировало его. В частности, «светозарный», «трагический тенор эпохи», поэт-символист А. Блок в письме к В. В. Розанову не скрывал своего восхищения эсерами-боевиками: «Я не осужжу террора сейчас... революционеры убивают, как

истинные герои, с сиянием мученической правды на лице» [34, с. 160].

Новой тактикой левых либералов в Саратове, так же как и в других российских земствах, стало стремление к союзу с земскими служащими в целях расширения своего влияния на массы. В декабре 1905 г. на губернском земском собрании рассматривался конфликт земских служащих и Петровского уездного земства, ряд гласных которого обвинило «господ служащих» в увлечении «крамолой, пропагандой», в нелегальных сходках «где-то в лесах, оврагах». Резюмирующая часть обвинения свелась к утверждению, что такую ситуацию «терпеть невозможно». В свою очередь возмущенные земские служащие (ветеринарные врачи и агрономы) объявили бойкот Петровскому земству из-за неправомерных инсинуаций. Земские служащие обвинили в провокациях против «третьего элемента» правительственные власти и духовенство [30, с. 423].

Главным обвинителем в конфликте выступал председатель земской управы Петровского уезда В. С. Кропотов, изобличая служащих в соучастии в аграрных погромах и поджогах. К. Н. Гримм вменил им в вину «разжигание классовой розни» [30, с. 423].

Защиту земских служащих представляли А. М. Масленников и Н. Н. Львов, которые в своих речах ссылались на новые законы Российской империи, даровавших населению России политические свободы. Поэтому земские служащие теперь могут «сметь свое суждение иметь», ибо они «получили права гражданина». Гласные-юристы обратили внимание на то, что земское собрание обвиняет поголовно «всех земских служащих в погромах, в аграрных беспорядках, в бунтах», т. е. в серьезных уголовно-наказуемых действиях [30, с. 425–426].

Н. Н. Львов и А. М. Масленников защищали земских служащих как адвокаты, прекрасно знающие законы и понимающие, какое наказание грозит обвиняемым в столь тяжких преступлениях. Н. Н. Львов ссыпался на то, что было проведено жандармское дознание, «но даже оно не нашло состава преступления». С одной стороны, гласный гневно вопрошал своих оппонентов: «Неужели губернская земская управа должна пойти “далее жандармов”?» С другой – он взвывал к коллегам, упирая на моральную сторону огульных обвинительных речей, сравнивая действия петровских уездных гласных со средневековой инквизицией [30, с. 431].

Очевидно, что вопрос о союзе между земскими гласными и земскими служащими усилили рознь внутри либерального большинства Саратовского губернского земского собрания. Апогеем конфликта между бывшими союзниками стал раскол губернского земского собрания в декабре 1905 г. по поводу писем саратовского губернатора П. А. Столыпина к А. Д. Юматову.

Эти письма были ответом на запрос председателя Саратовской губернской земской управы с просьбой выяснить судьбу земских служащих, арестованных за участие в революционном движении.

Ряд земских гласных (В. С. Кропотов, А. А Уваров, Д. А. Олсуфьев) в ультимативной форме потребовали от А. Д. Юматова зачитать эти письма на заседании губернского собрания, доказывая, что послания П. А. Столыпина имеют официальный характер, и обращены они к губернской земской управе. А. Д. Юматов категорически отказался, заявив, что считает «себя вправе не предъявлять» частных писем. Он, не желая их публичного чтения, попытался пересказать содержание писем Столыпина земскому собранию. В своем устном изложении А. Д. Юматов пытался смягчить вину подозреваемых и упрекал губернатора в неверной интерпретации действий земских служащих. В первую очередь, А. Д. Юматов старался оправдать работников земского книжного склада, распространявших запрещенные издания, в том числе и брошюру революционного содержания «Чего хотят люди, ходящие с красным флагом?» [30, с. 490]. Позицию председателя губернской управы поддержали левые либералы.

А. М. Масленников увидел в ультиматуме правых либералов попранье личных прав, нарушение тайны переписки и вступил в перепалку с гр. А. А. Уваровым, потребовавшим объявить перерыв для обсуждения позиций сторон. «Гр. Уваров принял на себя роль какого-то вождя, – возмущался А. М. Масленников, – но мне не улыбается роль рядового, да еще под командой гр. Уварова! Я протестую против перерыва заседания!» [30, с. 491].

А. М. Масленников видел в требовании публичного чтения писем губернатора не только насилие над личностью, но и стремление правых еще раз осудить участие земских служащих в революционном движении. А. М. Масленников пытался убедить собрание, что в аресте земских служащих ничего исключительного нет: «Арестовано несколько земских служащих. Что это доказывает? Ровно ничего. В России сейчас арестовано до тыс. человек, но только суд может судить об их виновности» [30, с. 426–427]. Гласный повторял известную сентенцию российского либерализма о том, что насилие правительства усиливает беспорядки [6, с. 169]. Он говорил о царящей в стране реакции, утверждал, что политика верховной власти провоцирует эскалацию революции. Земский гласный, по сути, повторял аргументы представителей социалистических партий: «Сейчас наполнены всюду тюрьмы, когда высылают, ссылают, даже расстреливают без суда.... Делается страшно существовать в таком обществе ... Мы живем в пору реакции, в такие времена, когда не церемонятся

людей брать и сажать... даже премьер-министр считает, что 25% сидит невинно» [30, с. 427].

Истинный смысл полемики по поводу переписки заключался в том, что левые либералы не хотели оглашения писем губернатора, подтверждавших участие земских служащих, «товарищей» левых либералов в революционном движении. В своих письмах П. А. Столыпин говорил об арестах земских служащих, которые участвовали в создании профессионально-политического союза служащих Саратовского губернского земства с противоправным требованием созыва Учредительного собрания. Значительное место в письмах начальника губернии было уделено противозаконной деятельности работников земского склада, хранивших и распространявших нелегальные издания [30, с. 291].

Одним из известных сюжетов, связанных с земскими служащими, были Балашовские события в июле 1905 г. Н. Н. Львов вместе с П. А. Столыпиным спасли от расправы погромщиков служащих Балашовского земства с опасностью для собственной жизни. Сам Н. Н. Львов накануне революции пророчески предрекал: «Когда вспыхнет революция, то вся благомыслящая часть общества, ныне враждебно относящаяся к правительству, бросится за помощью к этому же правительству...» [6, с. 170]. Травмы были нанесены Николаю Николаевичу, пострадавшему от камней, брошенных погромщиками: «Я получил несколько ударов по голове, – писал он. – От поранения меня предохраняла высокая шляпа, которая оказалась пробитой в нескольких местах. Я получил удар по спине и по плечу, удар настолько сильный, что выступила кровь... У губернатора была порвана рука» [10, с. 247].

В революционном 1905 г., от дня Кровавого воскресенья до Московского вооруженного восстания, изменяется отношение земских либералов к такой форме борьбы, как забастовки. На заседании Комиссии-собрания 9 января 1905 г. саратовские земские гласные, практически единогласно, потребовали внесения в резолюцию Петербургского ноябрьского съезда положение о свободе стачек [16, с. 12–17].

Однако тяжесть последствий аграрных волнений и всеобщей Октябрьской политической стачки в Саратовской губернии изменила взгляды либералов на этот способ борьбы. С. А. Котляревский осудил забастовки, которые он относил к «тяжелым опасным антикультурным синдромам» [30, с. 61]. Несколько иной взгляд на стачки высказал гр. Д. А. Олсуфьев с точки зрения европейских правовых норм. Ссылаясь на опыт западных стран, гласный заявил, что стачки «совершенно справедливы и признаются законом», являясь «средством экономической борьбы между трудом и капиталом, между рабочими и фабрикантами». Вместе с тем граф категорически

отрицал этот метод борьбы для «служащих в общественных и государственных учреждениях». Он считал, что эти забастовки у нас (воды нет, электричества нет, железные дороги не действуют) поставили общество на край гибели» [30, с. 62].

Гр. А. А. Уваров в резкой форме осудил участие служащих в революционном движении: «Те служащие, которые желают служить, должны бросить в земском деле всякую пропаганду. Пропаганда левых идей, политика в земском деле недопустима» [32, с. 8]. Некоторые земские гласные предлагали не платить стипендий учащимся – участникам бойкотов и забастовок. К. Н. Гrimm заявил: «Если я знаю, что под формой воспомоществования учащимся идет революционная пропаганда, то моя обязанность как гласного, не давать на это земских денег» [32, с. 58]. Правые либералы обвиняли земских учителей в «полуреволюционных инстинктах», земских врачей – в создании «революционного республиканского конвента» в Александровской больнице [32, с. 10, 12, 78–79].

Одним из важных моментов, демонстрирующих эволюцию взглядов земских либералов, был вопрос о свободе слова. Если в январе 1905 г. саратовские земцы поддержали резолюцию ново-ярьского съезда о свободе слова и печати, то в декабре 1906 г. позиция правых либералов изменилась. Это отчетливо проявилось в дебатах по поводу посылки телеграмм гр. Игнатьевой и Тверскому земскому собранию. Главной своей тактикой правые земские либералы признавали мирные формы борьбы, где важнейшее место должна занять трансляция земского дискурса периодическими изданиями.

В заявлении (о котором речь шла выше) Д. А. Олсуфьев и его сторонники открыто обвинили российскую левую прессу (и саратовскую в частности) в том, что именно периодическая печать – главный виновник эскалации революции и террора. В глазах авторов заявления террористы были людьми ведомыми и представляли собой «недоучившихся или вовсе не учившихся юношей», предлагавших «бескорыстно и даже самоотверженно свои услуги: “Хотите ли мы кого-нибудь для вас убьем? Для нас безразлично кого”». Истинными виновниками, «подстрекателями» и «полуподстрекателями» революционного террора правые либералы назвали левую печать [32, с. 303–304].

А. П. Павлов именовал всю левую печать «грязной» и «развратной», в плена которой находится все правительство [32, с. 248].

В своем заявлении земские гласные во главе с Д. А. Олсуфьевым инкриминировали оппозиционным саратовским газетам («Саратовскому дневнику», «Саратовскому листку», «Приволжскому краю») систематическую дискредитацию «в глазах общества деятельность Саратовского губернского земства», «намеренное искажение»

событий, происходившие в нем, «замалчивание некоторых его постановлений, имеющих важное значение» (в саратовской прессе не была опубликована телеграмма губернского земства с выражением сочувствия московскому генерал-губернатору Ф. В. Дубасову).

Чтобы этого не произошло с телеграммами, выражавшими позицию губернского земства по поводу убийства гр. Игнатьева, авторы заявления требовали, чтобы губернское земское собрание официально осудило позицию этих газет и признало ее недобросовестной и «не отвечающей назначению честной печати» [32, с. 334].

Гр. А. А. Уваров обвинял «радикальную местную прессу» в том, что она «ославила нас (представителей земств. – Е. М.) на всю Россию как разрушителей и погромщиков в земском деле». Он видел в саратовских периодических изданиях сторонников левых идей, обвинял в пристрастном отношении газет к нему лично. Он уверенно заявлял, характеризуя новое направление в деятельности Саратовского земства: «Если считать земским делом пропаганду левых идей, то для такого земского дела мы разрушители и погромщики» [32, с. 8].

В защиту свободы слова выступили немногочисленные земские гласные. К. Б. Веселовский и Т. К. Зиньковский настаивали на том, что губернское земское собрание должно действовать в рамках закона и ссылались на ст. 138, в соответствии с которой «можно опровергнуть неправильные сообщения» и «напечатать исправления этих неточностей» [32, с. 343]. «Земское собрание не может вступать в полемику с газетами, – с горячностью утверждал К. Б. Веселовский, – характеризовать их деятельность, полемизировать с их направлением». Он считал, что это «ниже достоинства земского собрания» [32, с. 344]. Т. К. Зиньковский, будучи владельцем собственной газеты в Камышине, увидел в заявлении уваровско-олсуфьевской группы прямое давление на газеты, утверждая, что «нет ни одного факта, подтверждающего “недобросовестность” саратовской прессы» [32, с. 345]. Их точку зрения поддержали М. В. Безобразов и А. В. Сумароков.

Эта полемика закончилась тем, что большинство земского собрания пришло к выводу, что о своих решениях нужно оповещать общество не только на местном уровне через региональную прессу, но и на общероссийском – через центральную печать.

Раскол между левыми и правыми либералами сопровождался скандальным характером взаимных обвинений, когда саратовское земство превратилось из дискуссионного политического клуба в арену скандальных ссор и бойкотов. К слову сказать, в своих инвективах земские гласные не стеснялись в выражениях. Т. К. Зиньковский обвинял своих оппонентов в дурных манерах: «Я, как представитель крестьянства, и сам

крестьянин, шел в губернское земское собрание и думал, что гласные, особенно благовоспитанные господа (намек на гр. Д. А. Олсуфьеву. – Е. М.), внимательно и осторожно относятся друг к другу. А услышал такие слова: «приплел, передернул». Такие выражения, по меньшей мере, некорректны» [32, с. 59–60]. Некоторых гласных раздражали блестящие спичи левых либералов, имевших юридическое образование. В частности, В. С. Кропотов в пылу дискуссии язвительно комментировал речь А. М. Масленникова в защиту земских служащих: «Знаменитый оратор во всеоружии своего красноречия» [30, с. 427].

В своих обструкциях саратовские земцы использовали бойкот как форму давления на противников. В знак протesta против публичного чтения писем П. А. Столыпина в земском собрании 11 гласных (Н. Н. Львов, С. А. Котляревский, М. С. Ермолаев, гр. А. О. Медем, кн. А. А. Ухтомский, Б. А. Арапов, бр. Роговские, Д. Д. Юматов, П. Н. Давыдов, И. П. Поленин) покинули зал заседаний.

В свою очередь гр. А. А. Уваров и гр. Д. А. Олсуфьев инициировали заявление 34 гласных, в котором требовали выразить недоверие губернской земской управе под руководством А. Д. Юматова, признать ее деятельность «нежелательной и вредной для земского дела» [30, с. 488]. Бывшие союзники, правые либералы, обвиняли губернскую земскую управу в «революционности», в «самовольных действиях», в поддержке незаконных действий земских служащих и предлагали сложить досрочно свои полномочия. Но члены земской управы во главе с А. Д. Юматовым заявили, что продолжат работать до окончания своих трехлетних мандатов [30, с. 489].

Земской либерализм в Саратове в предреволюционные и революционные годы прошел те же стадии своего развития, что и многие российские земства. В частности, Н. Г. Королева считает, что «Саратовское земство и события, происходившие вокруг него, отразили основной спектр общественного мнения Российской глубинки» [27, с. 18].

Ряд исследователей считают, что земской либерализм в провинции потерпел крах в 1906 г. [12, с. 162] Однако точка зрения О. А. Курсевой представляется более обоснованной. Она полагает, что «нет оснований говорить о крахе либерализма», который подготовил базу для создания либеральных партий [9, с. 386]. Саратовские земские гласные отрицали наличие глубоких противоречий в земском либерализме. По мнению гр. Д. А. Олсуфьева, подтверждением тому является сам факт существования «Союза 17 октября» [35, с. 67].

Саратовские земские либералы продолжали отстаивать свои взгляды в стенах Государственной думы (Н. Н. Львов, А. М. Масленников,

С. А. Котляревский, А. А. Уваров, Д. А. Олсуфьев, К. Н. Гримм).

Гр. А. А. Уваров, с его точки зрения, раскрыл суть раскола, который обозначился еще в декабре 1905 г. Он говорил, что в Саратовском земстве существуют две группировки: «одна теоретики-доктринеры, другая – практики. Управа – представительница доктринеров. Главные доктринеры – Котляревский и Львов. Они (вытают. – Е. М.) в высоких сферах» [30, с. 205].

Себя и своих сторонников Уваров отнес к «практикам», четко обозначив то направление в земстве, которое восторжествует с конца 1906 г. с новым составом управы и губернского земского собрания. Новый состав земской управы во главе с К. Н. Гриммом, который был избран абсолютным большинством голосов, поставил своей целью переход от активной политической деятельности к реализации практических задач, стоявших перед органами земского самоуправления в эпоху «иллюминаций».

Речь А. А. Уварова в декабре 1906 г. знаменовала начало нового этапа в деятельности Саратовского земства: «В прошлом году мы в собрании составляли незначительное большинство, известное под названием «34», в нынешнем – являемся безусловным большинством», от которого теперь всецело зависит «направление всего земского дела» [32, с. 8].

Сторонники правых либералов заняли не только места в губернской земской управе, но и возглавили все земские комиссии (оценочную, народного образования, бюджетную, страховую и др.) [32, с. 6–7].

«Коренным образом изменилось само настроение земской среды, как изменился и ее личный состав, – отмечал С. А. Котляревский. – Мы не найдем здесь старого земского идеализма... который пройден до конца. Высшей земской добродетелью признается хозяйственная практичность, которая боится политических потрясений». Правовед выражал сожаление о том, что не были реализованы политические программы земской оппозиции: «политические преобразования были бы надежным средством против этих потрясений» [31, с. 5].

Таким образом, в январе – июле 1905 г. Саратовское земство разработало детальную программу преобразования политической системы России. Выступив в поддержку постановлений ноябрьского земского съезда 1904 г., провинциальное земство пошло несколько дальше решений этого форума, поддержав подавляющим большинством голосов законодательный характер будущего российского парламента, введение всеобщего, прямого, равного голосования с тайной подачей голосов, разработав электоральную систему для всей России. Саратовское земство добавило в свою резолюцию право на стачки, на свободу науки и ее преподавания.

Политические конструкции саратовских земских либералов носили умозрительный характер и представляли собой интерпретацию западноевропейских идей правового государства.

Так же как и весь земской либерализм, основой своей тактики саратовские земцы провозглашали мирный путь совершенствования государственного строя России. Однако все уверения земских либералов по поводу необходимости диалога с властью, которая должна была инициировать реформы, являли собой не более чем декларацию (во всяком случае, со стороны левых либералов). Доказательством этого может служить отношение российских земств, в том числе и Саратовского, к законопроекту о «булыгинской думе», которое отражало политические требования либеральной оппозиции в эту революционную эпоху. Реакция Саратовского земства (как и многих других земств России) стала доказательством запаздывания правительства с реформами. В тоже время общество (в данном случае земские учреждения) не желало идти на компромисс: горизонт общественных ожиданий был завышен.

Либералы требовали значительных уступок со стороны правительства. В частности, либеральное большинство Саратовского земства единодушно поддержало решения ноябрьского съезда о необходимости отмены Закона от 14 августа 1881 г., который, по их мнению, «препятствовал единению власти и народа» и создавал условия для административного произвола». Либералы были уверены, что эта акция со стороны верховной власти «внесет в страну умиротворение». Саратовские земцы внесли свою поправку и в это радикальное требование Петербургского съезда: наряду с отменой августовского закона, они настаивали на проведении «амнистии по политическим делам и по суду» [16, с. 28].

Как показали дальнейшие события, компромисс между либералами и правительством оказался невозможным, ибо «в своих исходных основаниях и власть, и либеральная оппозиция представляли разные модели понимания новой исторической реальности» [4, с. 425]. Слепоте правительства отвечала слепота оппозиции [5, с. 31].

Если стратегически программа конституционного преобразования России, разработанная либеральной оппозицией Саратовского земства, была достаточно логична с точки зрения формально-юридической, то с точки зрения тактических приемов либералы не были последовательны. Правые либералы осуждали революцию и ее методы борьбы. Среди левых либералов наметился раскол: некоторые поддержали антиреволюционные позиции правых либералов, другие же официально не осудили ни революцию, ни революционный террор.

Расцвет земского либерализма в Саратове пришелся на очень короткий период (январь – июль 1905 г.), но позже выявились серьезные противоречия в тактике между правым и левым крылом, между кадетами и октябристами. Из-за обнажившихся противоречий слабый консенсус в либеральном лагере к декабрю 1906 г. окончательно рухнул. Руководство в Саратовском земстве (и не только) перешло от «идеалистов» – левых либералов в руки «практиков» – правого крыла земского либерализма.

Примечания

¹ Львов Николай Николаевич. Землевладелец (свыше 10 тыс. дес.) Окончил юридический факультет Московского университета. Гласный Балашовского и Саратовского губернского земских собраний (1893–1906 гг.) Председатель Саратовской губернской управы (1899–1902 гг.) Член нелегальных организаций («Беседа», «Союз освобождения», «Союз земцев-конституционистов»), член ЦК партии кадетов (позже – партий мирообщенцев и прогрессистов). Депутат I, III, IV Государственных дум.

² Котляревский Сергей Андреевич. Окончил историко-филологический и юридический факультеты Московского университета. Профессор. Выдающийся правовед, исследователь проблем государства и права. Действительный статский советник (1911). Гласный Балашовского и Саратовского губернского земских собраний. Член нелегальных организаций («Беседа», «Союз освобождения», «Союз земцев-конституционистов»), член ЦК партии кадетов (до 1912 г.) Депутат I Государственной думы.

³ Масленников Александр Михайлович. Землевладелец (300 дес.) Окончил юридический факультет Петербургского университета. Присяжный поверенный. Гласный уездного и Саратовского губернского земских собраний (1890–1906 гг.) Участник «Союза освобождения», Петербургского ноябрьского земского съезда 1904 г. Член партии кадетов, партии прогрессистов. Депутат III–IV Государственных дум (1907–1912).

⁴ Олсуфьев Дмитрий Адамович, граф. Землевладелец (свыше 10 тыс. дес.) Окончил физико-математический факультет Московского университета. Действительный статский советник. Камергер. Камышинский предводитель дворянства (1894–1902). Председатель Камышинской уездной управы, председатель Саратовской губернской земской управы (1902–1904). Один из организаторов «Союза 17 октября» и руководитель Саратовского отдела партии (1905), член Государственного совета, член Совета объединенного дворянства. В 1915 г. примкнул к Прогрессивному блоку.

⁵ Уваров Алексей Алексеевич, граф. Землевладелец (12 тыс. дес.) Окончил юридический факультет Московского университета. Действительный статский советник (1906 г.) Председатель Вольской уездной управы (1894–1895). Гласный уездного и Саратовского губернского земских собраний. Член «Союза землевладельцев монархистов – конституционистов», далее примкнул

к «Союзу 17 октября», позже – член ЦК партии прогрессистов (с 1912 г.). Депутат III Государственной думы.

⁶ Гримм Константин Николаевич. Землевладелец (600 дес.) Окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Действительный статский советник (1911). Уездный и губернский гласный. Председатель губернской земской управы (1906–1908, 1910–1918). Входил в бюро фракции «Союз 17 октября», Депутат III Государственной думы.

⁷ Ознобинин Владимир Нилович. Землевладелец (свыше 8 тыс. дес.) Окончил юридический факультет Московского университета. Гласный уездного и Саратовского губернского земских собраний. Камергер. Действительный статский советник. Предводитель дворянства Сердобского уезда. Губернский предводитель дворянства (с декабря 1905 г.). Председатель Саратовского отдела русского собрания. Почетный член Саратовского отдела Союза Михаила Архангела. Член Государственного совета (с 1911 г.)

⁸ Веселовский Константин Борисович. Помещик Балашовского уезда. Председатель Балашовской земской управы (1900–1912 гг.). Гласный губернского земства. Находился под влиянием Н. Н. Львова.

Список литературы

1. Иорданский Н. И. Земский либерализм. М. : «Колокол» Е. Д. Мягкова, 1905. 60 с.
2. Шацillo К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация. Программы. Тактика. М. : Наука, 1985. 354 с.
3. Гоголевский А. В. Очерки истории русского либерализма конца XIX – начала XX в. СПб. : СПбГУ, 1996. 152 с.
4. Шелохаев В. В. Либерализм в России в начале XX века. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 503 с.
5. Гайда Ф. А. Российский либерал начала XX столетия в политике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 6. С. 28–43.
6. Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М. : Наука, 1977. 288 с.
7. Черменский Е. Д. Земско-либеральное движение накануне революции 1905–1907 гг. // История СССР. 1965. № 5. С. 41–60.
8. Соловьев К. А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 288 с.
9. Курсеева О. А. Земский либерализм в провинции на рубеже XIX–XX веков (по материалам Среднего Поволжья и Приуралья). Уфа ; Стерлитамак : Гос. пед. академия, 2008. 467 с.
10. Шевырин В. М. Николай Николаевич Львов (предисловие к публикации: Н. Львов. Еще о Балашовских событиях) // Россия и современный мир. 2005. № 1. С. 238–248.
11. Воронежцев А. В. Саратовское земство накануне и в период Первой российской революции (1900–1907 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1993. 18 с.
12. Очерки истории Саратовского Поволжья : в 3 т. Т. 2, ч. 2 (1894–1917) / под ред. И. В. Пороха. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. 432 с.
13. Савицкая А. Е. Политико-правовая теория С. А. Котляревского : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 26 с.
14. Короткова Н. В. Государственно-правовые взгляды С. А. Котляревского : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 25 с.
15. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет : в 4 т. СПб. : Изд-во О. Н. Поповой, 1911. Т. 4. 696 с.
16. Земство и политическая свобода. Журналы Комиссии-собрания Саратовского губернского земства (1905 г.). Париж : Société nouvelle de librairie et d'édition, 1905. 38 с.
17. Чернышова Е. В. Земский вопрос в публицистике периода первой русской революции // Текст Архив. Документы тексты. URL: <https://textarchive.ru/c-1835314.html> (дата обращения: 18.04.??24).
18. Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 136–149.
19. Серкина Н. Е. Теория бюрократической рационализации Макса Вебера и ее вклад в парадигму индустриального общества // Вестник Волгоградского университета. Серия 7. Философия. 2017. Т. 16, № 1. С. 28–35.
20. Маклаков В. Из воспоминаний. М. : Статут, 2016. 320 с.
21. Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб. : Изд-во Г. Ф. Львовича, 1907. 250 с.
22. Баринова Е. П. Власть и поместное дворянство России начала XX века. Самара : Самарский университет, 2002. 364 с.
23. Закон от 6 августа 1905 г. о Государственной думе // Саратовская земская неделя. 1905. № 6–7. С. 17–24.
24. Журналы экстренного Саратовского губернского земского собрания 15–20 марта 1905 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1905. 139 с.
25. Іцуунчук Р. А. Идея народного представительства в 1904–1905 гг.: от совещательной к законодательной модели // Вестник экономики, права и социологии. 2009. № 1. С. 85–91.
26. Морозова Е. Н. «Правительственный конституционализм» в юридических и историко-политических исследованиях // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : в 2 ч. / под ред. Н. С. Нижник. СПб. : СПб УМВД, 2023. Ч. 1. С. 178–180.
27. Земское самоуправление в России. 1864–1918 : в 2 кн. Кн. 2 (1905–1918) / под ред. Н. Г. Королевой. М. : Наука, 2005. 384 с.
28. Голубев В. Роль земства в общественном движении. Ростов н/Д : Изд-во Н. Парамонова «Донская речь», 1905. 86 с.

29. Шевырин В. М. Накануне Февральской революции 1917 г. (письма Д. А. Олсуфьева и Н. Н. Львова к великому князю Николаю Михайловичу) // Россия и современный мир. 2007. № 1. С. 101–118.
30. Журналы 40-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1905 г. Саратов : Типография Саратовской губернской земской управы, 1906. 543 с.
31. Котляревский С. А. Самоуправление и земство // Право. 1914. № 1. С. 1–6.
32. Журналы 41-го очередного Саратовского губернского собрания 1–16 декабря 1906 г. Саратов :
- Типография Саратовской губернской земской управы, 1907. 562 с.
33. Штейнберг И. З. Нравственный лик революции / предисл. Е. Н. Морозовой. М. : Кучково поле, 2017. 407 с.
34. Блок А. Письмо к В. В. Розанову 20 февраля 1909. Петербург // Александр Блок. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5. Письма (1898–1921). Л. : Художественная литература, 1983. 302 с.
35. Соловьев К. А. Дмитрий Олсуфьев: на идеологическом перепутье // Историческое обозрение. 2019. № 20. С. 65–71.

Поступила в редакцию 31.05.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 31.05.2025; approved after reviewing 25.06.2025;
accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025